1 ЯНВАРЯ 1990 г., № 1 (11406).

НА РАДИОВОЛНАХ

Утро Литвы.- Вильнюс.- 1990.- 1 янв.

Журналист № 1 не интересуется балетом, а звезда балета, даже находясь в Литве, не слушает передачи радиокомментатора Бенаса Рупейки. Но так уж получилось, что в последние декабрьские дни политики вторглись в Театр оперы и балета, а у заслуженной артистки Литовской ССР Иоланты Валейкайте лопнуло терпение — выключила радиоприемник...

— Обычно в 16 часов проводится репетиция, или же я нахожусь на гастролях. Поэтому, Бенас, ваши радиопередачи и комментарии я не слушаю. Но постоянно слышу о них. В троллейбусе, в театре, в магазине.

— Представляете меня чудовищем? Теперь, кажется, и так называют.

— Ну уж нет. Но от этого разговора жду много неожиданного.

— Иоланта, должен откровенно признаться, я совершенно не интересуюсь балетом, когда-то видел только балет «Щелкунчик». Тогда мне это понравилось. Я не видел вас на сцене, но на улице мы, возможно, встречались. Глаза что-то знакомые. Не хочу нарушать этических требований, но все же — каковы ваши физические данные?

— Вес — что-то около пятидесяти килограммов. Рост — 168 сантиметров. Волосы темные, глаза серые. Иногда они становятся зелеными или карими...

— Сегодня они зеленоватые. Пожалуйста, угощайтесь пирожным.

— Боже, как хотелось бы, но не могу.

— А замуж выйти вы можете? Может, и тут существует профессиональное ограничение?

— Для меня это уже в прошлом.

— Порой задаюсь вопросом — можно ли быть звездой балета, являясь одновременно женой, матерью, бегая по магазинам, имея тысячи забот?

— Не думаю, что балерина не может быть матерью, но... Когда она становится матерью, то, мне это известно, она все свои мысли и ожидания отдает ребенку, семье. Балету, сцене не каждому человеку суждено посвятить свою жизнь. В то время, как создать семью, родить ребенка может почти каждая женщина.

— Вы еще не подошли к такой критической черте?

— Пока нет.

— Но вернемся к политике. Она повсюду. Даже перед Рождеством в Театре оперы и балета — XX внеочередной съезд Компартии Литвы.

— Так уж в последнее время происходило, что все наиболее впечатляющие и значительные события случались в Литве, когда меня здесь не было. Помню только 23 августа нынешнего года. Выехала на шоссе, постояла. И снова в путь. Меня не было, когда освящали Архикафедру, поднимали трехцветный флаг... Но я рада, что нахожусь теперь в Вильнюсе. И что коммунисты отделились.

— Вы не пробовали сопоставлять свою деятельность в Театре оперы и балета с деятельностью делегатов съезда?

— Это сложно, поскольку я во время спектакля никогда не вижу сидящих в зале: не вижу их глаз и лиц. Просто черная дыра. Только когда загорается свет, я смотрю на публику. Думаю, что зрители во время балетного спектакля, сидя в зале, больше думают о сегодняшнем дне, чем о происходящем на сцене. Лица же у политиков — другие. По крайней мере тогда на них было некое с трудом осознаваемое напряжение — конечно, завтрашний день важнее сегодняшнего.

— Не считаете ли вы, что такое мероприятие помешало жизни театра?

— Для репетиций существуют отдельные залы. В целом же порой в течение месяца приходится выходить на сцену лишь несколько раз.

— Это не обидно?

— Обидно. Ведь начало как для меня, так и для моего любимого педагога А. Насвитене, которая жизнь на меня положила, — было очень трудным. Все делали заодно, вместе.

— Меняется тональность беседы. Сложен, видимо, замкнутый мир балета — личные отношения, путь на сцену, Жестока ли та борьба, о которой мы порой знаем только по слухам?

— Конечно. И сама профессия безжалостна. Но, представив, что вдруг в один день я все это потеряю, понимаю, что будет очень грустно.

— Иоланта, в зале вы видите черную дыру. Откуда же тогда ощущение, что делаешь большое и нужное искусство?

— Очень радостно, когда публика тебя понимает, много аплодирует. Но есть еще один значительный для меня момент. Это когда на каждом выступлении оставляешь публике что-то новое, прекрасное, когда движения становятся пластичнее и красноречивее. Правда, часто случается и так: на сцене не можешь повторить того, что делала на репетиции. Искусство — это кратковременный миг. Его не запрешь в сейф, не убережешь.

— Реакция слушателей, зрителей, читателей после выхода репортажей и статей очень оперативна. Порой они помогают, порой осуждают. Если помогают, то это для журналиста такой допинг, о значении которого и говорить не стоит. У вас, думаю, иначе. Откуда же эта сила?

— В зале, на сцене я совсем другая. Я это чувствую. Восемь лет в училище придали мне большую силу. Наше искусство требует от людей самоотверженности. И, конечно, требования высоки: нельзя быть изнеженным, надо много читать, уметь владеть собой.

— Эти ваши слова прочтут многочисленные девочки, для которых слова «балерина» или «звезда балета» настолько притягательны, что никакие уговоры или аргументы родителей не могут на них повлиять.

— В детстве и я безумно любила балет. Танцевала каждый день. Где угодно, когда угодно, в любом платье, в одиночку. Сегодня, конечно, мечты сбылись...

— И вздох...

— Радость и беды — заодно. Я не могу отговаривать этих девочек, если они очень хотят. Ведь наша профессия прекрасна.

— Но это романтическая иллюзия для сотен и тысяч. Вы дошли до сцены. А сколько таких, кто сломался в пути?

— В нашем классе в Вильнюсской школе искусств сначала учились 10 девочек. Школу закончили 6. В театре мы остались вдвоем. Трудно сегодня строить прогнозы на будущее. Но одно ясно — не хватает тех, кто жертвует собой ради балета.

— Вы смотрите по вечерам телевизор?

— Конечно, и «Панораму», и «Время».

— И видите, что на экране каждый день — политика. Ваш взгляд с балетной площадки...

— Люди забыли о театре. Нельзя сказать, что они восхищаются балетом. Правда, и театральные коллективы не все делают для того, чтобы зритель восхищался.

— Нужна революция в театре?

— В какой-то мере нужна. Я никого не хочу задеть, но в театре должны произойти какие-то перевороты. За границей давно уже существует глубокое уважение к искусству. Там все меняется быстрее...

— Быстрее утихают политические ветры?

— Я бы не хотела, чтобы в Литве, по крайней мере сегодня, они утихли. Политика есть политика.

— Я недолго с вами беседую, но могу смело утверждать — вы упрямая.

— Не вы первый это замечаете. Упорство меня спасает и губит.

— Ведь может случиться так, что вы все реже будете улыбаться, останется разве что профессиональная улыбка, а по сути вы будете хмурой.

— Не дай бог, когда человек не улыбается. К сожалению, недовольных, разочарованных, невнимательных людей становится все больше. А так хотелось бы всем улыбаться. Всем без исключения. Ведь наш народ не такой уж большой.

— Сумеем ли мы стать пластичнее, искреннее? Или только кричать будем?

— Я восхищаюсь всем: добрыми переменами, новой, более развитой публикой. Много читаю. Много пою. Меня все интересует.

— Значит, вы легкомысленная?

— Может, порой и легкомысленная.

— Далеко ли от этого до богемы?

— Кто может знать, в какую сторону повернет жизнь. Человек не может знать, что ожидает его в этом году и на будущий год. И это вдруг ударит молнией с ясного неба...

ТО, ЧТО НЕ УМЕСТИЛОСЬ В ИХ БЕСЕДУ

В. Г.: За границу, вы, наверное, часто ездили!

Б. Р.: А как же, я три года находился за границей со специальным государственным заданием. И еще на несколько дней выезжал в Москву и Варшаву. Но об этом подробно говорилось в радиопередаче.

И. В.: Я недавно вернулась с двухмесячных гастролей в США. В целом Атлантический океан пересекала по воздуху уже более 10 раз. Но это не прогулки, а черная работа...

В. Г.: И еще раз о Рупейке, наводящем ужас.

Б. Р.: Журналистика — это дублирование работы многочисленных ведомств, которые загнивают. К сожалению, я не веду счет своей работы, как некоторые полагают, по количеству скальпов. И живу скромно, второй десяток лет в комнате общежития. И автомобиля у меня нет.

В. Г.: Надеюсь, это успокоит некоторых бдительных ценителей вашей деятельности. И еще думаю, что вы хотите сказать несколько слов о «Комъяунимо тесе».

Б. Р.: «Комъяунимо тесе» — особенно ее руководителям, можно доверять. А в журналистике, если умеют держать слово, — это большая ценность. Другое качество, удивляющее меня: способность возрождаться из пепла. Даже после ухода из редакции нескольких сотрудников газета не теряет популярности. Она даже становится интереснее и оперативнее.

И. В.: Могу сказать, что от души рада этой газете. Мое пожелание: держитесь все вместе, успехов вам!

В. Г.: И вам того же, еще большей популярности!

В. ГАЙВЯНИС.

О чем задумался Б. Рупейка, что импровизирует И. Валейкайте!

Фото В. Клюкаса.